

Протоиерей
Александр Акулов

остросюжетная повесть

ПОТЕРЯННЫЙ В МИРУ

Издательство добрых книг

протоиерей Акулов

Потерянный в миру

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Акулов п. А.

Потерянный в миру / п. А. Акулов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В ситуацию, в которой оказался герой книги диакон отец Олег, лучше никогда не попадать. Не каждый выдержит то, что смог пережить наш герой. Это испытание, посланное Богом, способно изменить жизнь человека, как будто другой у него и не было, а, возможно, вернёт к тому, что было утрачено и забыто. Вот такую странную, остросюжетную и местами совсем необъяснимую историю о диаконе, который попал в беду, и его окружении, мы сейчас вам и расскажем...

© Акулов п. А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Часть первая (отец Олег и другой мир)	6
2	13
3	17
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Протоиерей Александр Акулов

ПОТЕРЯННЫЙ В МИРУ
(остросюжетная повесть)

УДК 821.161.1 (477)

ББК 84(4Укр=Рос)6-44

A44

ISBN 197-617-7381-18-0

По благословению Блаженнейшего Онуфрия, митрополита Киевского и всей Украины,
предстоятель Украинской Православной Церкви

© Протоиерей Александр Акулов

Часть первая (отец Олег и другой мир)

О том, что отец Олег пропал, стало точно известно лишь поздно вечером в один из воскресных весенних дней. До этого момента всё шло как обычно и в церкви, где он служил, и в семье, которую он очень любил и ценил, несмотря на то, что «малая церковь» пока состояла всего из двух взрослых людей – мужа, то есть его самого, и жены, матушки Анны.

По традиции день начался с Божественной Литургии в храме, который уже много десятилетий стоял и радовал православных людей в одном из пригородов Киева, в тридцати минутах езды от столицы. Ничего особенного в этот день не происходило, и прогнозов по поводу последующих событий никто не высказывал. Не было среди прихожан и священников ни проповедей, ни предсказателей.

Разными людьми наполнялась церковь. Каждый по-своему готовился к службе в ожидании совместной и дружественной молитвы, чтобы покаяться в своих накопившихся грехах, поблагодарить Господа за прожитые дни и, не стесняясь, попросить у Бога по своей духовной и житейской нужде. Многое объединяло этих людей, и не было среди них особых разногласий. Всё шло своим чередом без особых чудесных ожиданий. И никто даже предположить себе не мог, что уже через несколько часов развернутся такие события, в круговороте которых резко изменится жизнь сразу нескольких людей.

Как всегда служба в храме прошла торжественно и чинно, но народу сегодня было не так много, как обычно. Начались весенние огородные хлопоты, и многие прихожане решили с утра заняться рассадой и всякими земельными работами. Это всегда расстраивало отца Олега, нашего главного героя, так как он никак не мог понять, почему нельзя отложить важные хозяйственные дела на более позднее время, чтобы обрабатывать землю уже после службы, помолвившись Христу с остальным страждущим народом, верящим, что только по благословению Божьему, а не по суете человеческой мысли, возможно получить максимальную пользу от своего труда.

Это обстоятельство очень расстраивало не только отца Олега, но и других священников. Отец-диакон, к сожалению, частенько бывал более категоричен в своих суждениях, чем другие его коллеги, и, из-за своей горячности, как потом оказывалось, не всегда был прав. Но выяснялось это уже позже, а пока он искренне переживал за те или иные не совсем христианские поступки православных людей, которых он встречал на своём пути. Отец Олег искренне не понимал, как можно без особой причины не приходить на воскресные и праздничные службы, да ещё месяцами жить без Исповеди и Причастия. Для него воздух церкви, наполненный Божьей милостью и Благодатью, был самым свежим и лучшим на земле, и он искренне полагал, что так же думают (или должны думать, а как иначе!) и все остальные православные христиане по всему миру.

Отец Олег в церковь пришёл в довольно зрелом возрасте и сразу полюбил всё, что было с ней связано: и службы, и таинства, и прихожан храма, и священников, которыми он восторгался, как мальчишка, увидевший перед собой людей как будто из другого мира. И когда он слышал, что кто-то не очень хорошо говорил о священниках, даже если это было справедливо, то он всегда за них заступался и просил с пониманием относиться к их ответственному служению. Но особенно ему нравилось общение с прихожанами, которых он считал главными носителями православной веры и своими первыми и главными учителями благочестия.

В то же время он переживал, когда люди опаздывали на службы, разговаривали на Литургии в самые важные моменты Богослужения, шептались по углам о всяких житейских пустяках, невнимательно слушали проповеди, лишая себя толкования Слова Божия, и просто мешали другим людям молиться. Отец Олег искренне старался жить по Заповедям Божьим, по-хри-

стиански любить всех без исключения, и так же от всего сердца прощать ради Христа и своего спасения. Но частенько, опять же из-за излишней горячности, которую он путал со здоровой ревностью ко Господу, его терпение заканчивалось, и он мог не сдержаться и сделать замечание тем, кто вёл себя на службе не подобающим образом, а это редко нравилось таким нарушителям церковной дисциплины. В ответ он мог слышать разные слова недовольства, на что он пытался улыбаться и просил молитв, понимая, что это не совсем его дело – делать замечания другим людям. Но где взять столько терпения?

Отец Олег загорелся духом христианской веры пятнадцать лет назад, когда впервые попал в храм, и до сих пор оставался горящим костром ревностного служения Христу и Его церкви, со всеми своими достоинствами и недостатками, первые из которых он хотел преумножать, не останавливаясь на достигнутом, а от вторых непременно избавляться по мере укрепления своей веры и возрастания любви к людям.

После первой же службы, на которую он попал случайно, точнее, за компанию со своим другом, увидев священников, он тут же решил стать таким, как они. Правда, друг Андрей, с которым он сразу после службы восторженно поделился мыслями о своём будущем, только посмеялся над ним и начал рассказывать что-то не очень хорошее о священниках. Тогда Олег сильно поругался с другом, не веря его словам, и на этом их совместное посещение храмов закончилось навсегда. Уже после второго богослужения Олег сообщил родителям о своём решении стать священником, и это привело к такому скандалу, что родители просто хотели выгнать его из дома. Они были людьми далёкими от церкви и совсем не одобряли начало его активной церковной жизни. Папа называл себя убеждённым атеистом, а мать только и делала, что собирала всякие сплетни о священниках и прихожанах, которые считали себя православными, а действовали как язычники, раздражая её своим поведением в обычной жизни.

Олег, ещё будучи простым прихожанином, очень переживал за них, и сам старался соответствовать высокому званию христианина, чтобы стать примером для родителей. Он сразу бросил курить и совсем отказался от спиртного, хотя никогда не был крепко пьющим человеком, но мог с друзьями иногда выпить пива или хорошего вина. Это как раз и заметили родители, но отнесли его поступки не к милости Божьей и вере сына, а к обычному стремлению вести здоровый образ жизни, как всю жизнь поступал отец.

Его рассказы о хороших священниках и красивых службах тоже не действовали на отца с матерью, и все их разговоры на религиозные темы всё равно сводились к критике церкви и её начальства. Также они осуждали новый церковный образ жизни сына, думая, что именно из-за этого Олег никак не может жениться, и даже предупредили, что если он захочет уйти в монастырь (что однажды в пылу очередного спора было сказано), то они и вовсе от него официально откажутся. Такого абсурда Олег вообще не ожидал, поэтому совсем прекратил общаться с родителями на темы церковной жизни, чтобы сохранить мир в семье.

Он очень переживал, что они его не понимают, и ещё очень долгое время, уже будучи священнослужителем, не мог оправдать и других людей, не желающих ходить в церковь. Отец Олег категорично считал, что если тебя крестили, то будь добр, всей душой, через силу и лень, стремись к церковной жизни. Все аргументы старших товарищей, что «Вера – это дар Божий... каждому своё время... или что силой в храм ходить не заставишь и этого делать нельзя», для отца Олега были лишь слабыми оправдательными попытками оградить людей от собственной более активной проповеди. Но когда со временем он убедился в правоте слов своих коллег, то сначала расстроился, а потом понял, что нельзя так сопротивляться Богу и Его Воле, которая проявляется и в том, что не все могут быть глубоко православными людьми.

Возвращаясь к родителям отца Олега скажем, что огорчало его и то, что они уже были людьми не молодыми и довольно тяжело болели, а вся их злость только усугубляла болячки, от которых они очень рано отошли ко Господу, не пожелав покаяться за всю свою жизнь и при-

частиться Святых Христовых Тайн. Для него это стало двойной болью, от которой он пытался избавляться молитвой и надеждой на всепрощающую любовь его любимого Христа.

До женитьбы и последующего рукоположения сына родители не дожили ровно год, хотя это важное событие в жизни Олега вряд ли могло бы изменить их нетерпимое отношение к православию. Отцу Олегу своих родителей было молитвенно жаль и подвигло к ещё большей ревности в служении Богу и людям, чтобы с другими не случилось так, как с его родными.

Его горячность была заметна даже тогда, когда он уже стал священнослужителем. Наивности отца Олега удивлялись и настоятель храма отец Александр, и другие священники, не всегда его понимающие и более трезво относящиеся к церковной жизни. Их опыт позволял более реально оценивать духовное состояние православных людей, они искренне молились Богу за вразумление Христова люда. К этому стремился и отец Олег, но его беспокойный характер не давал покоя всем, с кем он служил и дружил.

Матушка Анна старалась, как могла, сдерживать своего любимого, чтобы тот не стал всеобщим обвинителем в маловерии. Поэтому отца Олега редко благословляли произносить проповеди в храме и давали поручения, не связанные с тесным общением с прихожанами. Он, понимая свои недостатки, на это не обижался и с радостью делал то, что ему поручал настоятель.

Надо сказать, что раньше он был человеком чрезмерно инициативным, но в последнее время ему очень нравилось то, что он становился послушным и более скромным в своих желаниях. Возможно, сказывался и возраст. Ведь ему уже было под сорок лет, из которых он только последние десять служил диаконом, а до этого трудился на предприятии обычным инженером, но очень высокой квалификации. Поэтому отец Олег любил помогать по церковному хозяйству, и всё, за что бы он ни брался, получалось у него хорошо, добротнo и качественно. Настоятель не мог нарадоваться и не спешил подавать прошение о его рукоположении в священники, понимая, что у того сразу появятся другие заботы, которые помешают его хозяйственной деятельности. А отец Олег в свою очередь, понимая настоятеля, и сам не торопился в звание, требующее от человека полной самоотдачи не только во время службы, но и в обычной жизни. Ну, куда ему в иереи с таким характером! Народ Божий пугать своими упрёками? Таким образом, всех устраивали такие отношения, и поэтому у настоятеля храма и диакона никогда не было серьёзных конфликтов и особенных споров. Так, короткие размолвки по мелочам, которые только укрепляли их дружбу.

Вот и сегодня после службы они немного посетовали на то, что в храме было не так много прихожан. Пару минут поговорили о планах на следующую неделю и с удовольствием, по старой и доброй традиции, пошли общаться с прихожанами церкви, которые уже их ждали во дворе храма. Собралось человек пятнадцать: мамы с детьми и несколько молодых людей, особенно любимых отцом Олегом. И если в храме ему не всегда давали слово, то уже после службы его никто не мог остановить или запретить разговаривать с прихожанами, сколько он или они захотят.

Но сегодня отцу Олегу было не до активного общения. Он был каким-то особенно сосредоточенным и молчаливым. Диакон лишь скромно улыбался и совсем не проявлял инициативы в разговоре настоятеля с прихожанами. Что-то его волновало и тревожило, как никогда, и он сам никак не мог понять своего настроения. Поэтому он собрал вокруг себя детей, тем самым помогая мамам сосредоточиться на общении с отцом Александром, а сам с удовольствием возился с детишками, раздавая просфорки и всякие сладости шумной детворе, которые, в свою очередь, в прямом смысле садились ему на голову, вызывая молчаливые упрёки со стороны родителей. Те не могли возмущаться, потому что это их в общем-то устраивало, освобождая всё внимание на общение с настоятелем.

А отцу Олегу нравилось возиться с чужими детьми. У них с матушкой пока ещё не было своих, и поэтому любое общение с приходскими детьми ему было в удовольствие и в радость. Матушка Анна, стоящая среди большинства прихожан и внимательно слушая отца Александра, всё-таки старалась наблюдать за своим мужем, который искренне поддавался детям в их играх, а сам был каким-то грустным, не таким, как обычно во время общения с малышами. На какое-то мгновение они встретились взглядами. Отец Олег привычно улыбнулся и даже подмигнул, но в его взгляде матушка вдруг уловила грусть, которую раньше у него не замечала. Ей даже показалось, что в глазах мужа появились слёзы.

– Что-то случилось, дорогой батюшка? – спросила матушка, решившая всё-таки подойти к мужу, всматриваясь в его уставшие глаза.

– Да вроде бы нет, но что-то мне беспокоит, – честно признался дьякон, освобождаясь от детских рук, обнимающих его за шею. – Но, я думаю, что это погода. Смотри, как меняется, а это плохо для рыбалки.

– Так может и не стоит ехать тогда, раз погода не очень...

– Да ты что, любимая, – перебил матушку отец Олег, отбиваясь от атак двух мальчишек. – Как же я без рыбалки? А Андрей? Он же меня убьёт, если откажусь. Ведь я уже целый месяц обещал. Так что, матушка, прости. Надо ехать.

– Что-то твоё волнение и мне передалось, – как-то грустно выговорила матушка. – Может это из-за рыбалки?

– Да она-то здесь причём? – удивился батюшка. – Рыбалка только может настроение поднять, а не испортить. Тем более, говорят, рыбы столько в этом году, что ловить некому. Надо обязательно поехать и помочь рыболовному братству!

– Ладно, – согласилась матушка. – Тебя всё равно не переубедить. Только будь осторожен, а Андрюху я предупрежу, чтобы без фокусов там...

– Это, пожалуйста, я не против, – согласился отец Олег и поцеловал матушку в щёчку. – А теперь пошли к народу, да и отца-настоятеля надо уже освободить от общения. Всё-таки после службы человек. Ему уже пора отдыхать.

Как раз в это время раздался дружный смех в тесном людском кольце, окружившем отца Александра. Видимо, кто-то удачно пошутил, но уж точно не батюшка. С юмором у него были проблемы, поэтому все смеялись негромко, краем глаза наблюдая за реакцией настоятеля, чтобы не перегнуть палку с децибелами восторга. Но он сегодня смеялся громче всех, чем изрядно удивил не только прихожан, но и отца Олега, который уже стоял рядом с ним, нежно обнимая свою матушку за плечи.

– И чего мы так смеёмся, честной народ? – не скрывал своего удивления дьякон.

– Да здесь Сергей такой анекдот рассказал, что я и сам не сдержался от смеха, – с улыбкой на всё бородатое лицо признался настоятель. – Вот послушай, батюшка. Серёга, повтори, пожалуйста, для диакона с матушкой, а то у меня вряд ли получится рассказать с такими интонациями.

– Как скажете, батюшка, – с удовольствием согласился молодой человек, не менее бородатый, чем сам отец Александр. – Стоят, значит, два наших гаишника, Иван и Петро, на пустой дороге. Вдруг видят, появилась «Жигули», но едет как-то странно, виляет, как будто водитель выпивший. Останавливают, а там за рулём священник. Правая рука у него в гипсе, а сам вроде трезвый. Петро его и спрашивает: «Батюшка, а что так криво едем? Может вы выпивший?». «Да нет, – говорит. – Просто я в ДЖАКУЗИ руку поломал, вот и подруливаю левой рукой. А как по-другому?». Иван минуту подумал и отпустил с Богом священника. А сам думает: «А что же такое ДЖАКУЗИ? Дай, думаю, спрошу у кума Петра». «Петро, а что такое ДЖАКУЗИ?». Тот, долго не думая, отвечает, пожимая плечами: «Откуда я знаю! Я в церковь не хожу...»

Раздался повторный взрыв смеха, но уже не такой сильный, а главное, многие заметили грустный вид отца Олега, который даже не улыбнулся, услышав действительно забавный анекдот.

– Так над чем смеяться? – оправдываясь, спросил дьякон, не поднимая глаз, как будто ему было стыдно за непонимание. – Что священник ехал за рулём «Жигулей», а не на иномарке?

От этих его слов первым взорвался от смеха настоятель. Да так, что другим было просто невозможно не засмеяться. Даже матушка еле себя сдерживала, чтобы не обидеть мужа.

– Во ты дал, отец Олег, – еле успокоился отец Александр, вытирая слёзы от смеха. – Видно тебе уже так нужна машина, что ты во всё видишь только её. Там же суть в джакузи! Как будто она в храмах есть. Понял теперь?

– Да у меня и дома этой штуковины нет, – как-то слишком грустно подметил дьякон. – Одна старая стиральная машинка, и та ломается каждый день.

– Всё с тобой, отче, понятно, – уже серьёзно сказал настоятель. – Ладненько, друзья, закругляемся, и по домам, а то у меня сегодня ещё крещение, да и отдохнуть немного надо.

Прихожане стали по очереди подходить к настоятелю за благословением на предстоящую неделю, и потихонечку покидать церковный дворик. Матушка сказала, что подождёт на остановке трамвая, и с другими женщинами вышла за церковные ворота.

Священнослужители остались одни посреди церковной площади, как её любил называть настоятель,

– Стареешь, отец Олег, стареешь, брат, – вздохнул настоятель, поглаживая свою густую бороду. – Былая романтика, да и юмор куда-то от тебя убежали. Удивил старика. Что-нибудь случилось?

– Так вы сами романтику из меня и выгнали, батюшка, – немного обиженно ответил отец Олег. – А ещё, помните, как я мечтательно рассказывал о разных там природных вещах, погоде, природе и даже об НЛО, в которые верил и искал.

– Надеюсь, сейчас уже не веришь? – перебив дьякона, строго, но как всегда с улыбкой, посмотрел на отца Олега настоятель.

– Да вроде нет. Хотя так хочется с ними встретиться, поболтать о том, о сём. А вдруг они тоже в Бога верят? Где-то там, на далёких планетах, храмы строят, – мечтательно попытался ответить дьякон, пытаясь не смотреть в глаза настоятеля, чтобы не увидеть его настоящей реакции на смешные признания насчет «инопланетян».

– Да уж, батюшка, чего-то я недосмотрел в тебе, – с некоторой укоризной заметил настоятель, пытаясь сдержать весёлую улыбку опытного психолога.

– Да шучу я, – быстренько оправдался дьякон, чтобы в очередной раз не напугать настоятеля своими детскими фантазиями. – Честное дьяконское слово. Шу-чу... Раз в Библии о них ни слова, значит, их нет. И точка! Хотя так хочется...

– Давай лучше о погоде, раз больше не о чем, – устало предложил настоятель.

– Да чего о ней говорить. Люблю я весну, и даже зиме радуюсь, но осень – это грибы, ягоды, – поддержал начальника отец Олег, провожая матушку взглядом.

– Да знаем мы про твои грибы, – вспомнил отец Александр. – В последний раз, отец, ты их двое суток подряд собирал. Мы уже собирались поиски организовывать.

– А вы-то, батюшка, откуда про это знаете? – удивился отец Олег, перебивая настоятеля. – И про поиски я раньше ничего не слышал.

– А кому, как не мне, про тебя всё знать? – запинаясь от смущения, ответил настоятель.

– Понятно, кто в семье шпионит. Матушка, что ли? Разберёмся и накажем кого попало, – с улыбкой произнёс отец Олег, вспоминая армейскую шутку.

– Я тебе разберусь! – строго предупредил настоятель. – Матушка у тебя мудрая. Чего с тобой зря ругаться? Ты у нас человек резкий. А так и ей стало легче, да и я нашёл способ,

как тебя проучить. Ладно, не будем вспоминать прошлое. Главное, что живым вернулся, слава Богу, и здоровым.

– Так там не я. Там опять эти инопланетяне. Они тоже грибы собирали. Это они меня задержали. Время остановили. Сначала просили о грибах рассказать, ну, чтобы поганок не набрать, а потом, возле костра, они попросили о Боге с ними поговорить. А как я могу отказать в таком вопросе? – практически серьёзно начал вспоминать дьякон, отходя подальше от настоятеля, чтобы не получить дружеского подзатыльника.

– Всё, хватит, брат, а то я тебя за такие разговоры от церкви отлучу. И вроде бы непьющий ты, батюшка. Или на природе попиваешь, отец Олег? – вдруг хитро спросил отец Александр.

– Да нет, вроде бы, – как-то задумчиво и даже серьёзно ответил дьякон. – Всё, шутки в сторону, а то и вправду сейчас договорюсь до какого-нибудь наказания, и вы не отпустите меня на рыбалку.

– Какую такую рыбалку? – поинтересовался отец Александр, как будто не знал об увлечении своего дьякона.

– Вы что, забыли? Да с дружкой своим вот решили на окуньков сходить, точнее съездить. Здесь недалеко. Я же вам рассказывал уже, – почему-то заикаясь, ответил отец Олег.

– Да помню я... Езжай куда хочешь, я тебе не указ, – довольно сердито сказал настоятель. – Но учти, что искать не будем, если что. Сам выкручивайся или проси помощи у своих марсиан, прости, Господи, – перекрестившись, решил пошутить настоятель.

– Батюшка, так вы меня благословляете на отдых? – слегка согнувшись и сложив руки под благословение, подошёл поближе улыбающийся отец Олег.

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! – благословил священник, обняв диакона. – Только будь осторожен. Что-то мне за тебя беспокойно, честное слово. Может, тебя не отпускать?

И даже ещё в этот момент можно было предотвратить то, что стало неизбежным уже через несколько часов после их прощания. Но этого не произошло, а, значит, на все последующие события была святая Воля Божия, не всегда сразу узнаваемая и очевидная, но бесспорно единственно правильная, без всяких «но», «однако» и «может быть».

– Первое благословение дороже второго, – так же решил отшутиться отец Олег, вставая перед настоятелем по стойке «смирно».

– Иди уже, баламут. И мне на ушницу не забудь пару рыбёшек доставить. Уху в нашей семье все любят. Особенно тёща, – вдруг, вспоминая семью, произнёс настоятель, потирая от предвкушения удовольствия руки.

– Тёще привет, отец Александр, – с хитринкой сказал дьякон, зная, какими сложными были их отношения.

Теперь уж точно отец Олег был свободен, но что-то его удерживало возле храма. Он ещё раз взглянул на настоятеля, но тот уже был занят разговором со своей женой, матушкой Ниной, которая как раз в эту минуту подошла к отцу Александру, выходя из храма. Она увидела отца Олега, машинально помахала ему рукой, на что обратил внимание настоятель, и уже двумя руками, словно прогоняя надоедливых мух, махнул в сторону диакона, показывая всем своим видом, что, мол, «иди уже, наконец». Матушка не могла не спросить своего мужа:

– А куда ты отправляешь отца Олега, мой дорогой батюшка?

– Да на рыбалку он едет с друзьями. Пускай отдохнёт. Ему перед рукоположением во священники отдых сейчас просто необходим, – буднично ответил настоятель, как будто не сказал ничего удивительного.

– Ты это серьёзно? Отец Олег будет священником? – удивилась матушка, не скрывая своей радости.

– И чему ты удивляешься? Заслужил батюшка, – мудро подчеркнул настоятель, пытаясь уйти от более подробного разговора.

– А он-то про это знает? – чуть ли не хлопая в ладоши, тихо спросила матушка.

– Вот после рыбалки и узнает, а то опять отказываться начнёт. А будет благословение Блаженнейшего, уже никуда не денется. В понедельник всё решится, – с уверенностью ответил настоятель, показывая, что ему пора в церковь.

– Хотя какое-то утешение для его матушки, а то она совсем расстроенная из-за детей ходит, – грустно проговорила матушка, пытаясь разглядеть встречу дьякона с матушкой за воротами храма.

– В смысле из-за того, что у них детей нет, я правильно тебя понял? – спросил уставший настоятель, потихоньку направляясь в сторону служебного входа.

– Именно так. Она уже и про монастырь стала думать...

– Нам только этого и не хватало...

– А что в этом плохого? Я бы тоже...

– Сейчас, матушка, договоришься, – строго заметил настоятель, открывая служебную дверь в церковь. – Иди-ка ты уже домой, корми семью.

– Молчу-молчу и ухожу, – попыталась отшутиться Нина, целуя мужа в бороду. – Ты, как всегда прав, дорогой батюшка. Пошла я, действительно, варить обед.

– Вот так-то лучше. В монастырь они собрались, – ворчливо проводил взглядом настоятель свою любимую жену, и подумал, что ведь и он-то сам, было дело, размышлял о монастыре. Наверное, так бывает у всех, кто долго служит в церкви и в старости хочет своего особого покоя и какого-то, пока ещё не изведенного служения Богу. Но каждый раз отец Александр отгонял от себя эти мысли, как не угодные Господу, потому что очень любил свою семью и не мог представить себя одного в келье без общения с родными и близкими.

2

Отец Олег остановился у самых ворот и оглянулся на эту замечательную пару. Для него они были больше чем друзья, а порой даже заменяли ему родителей. Именно отец Александр предложил ему поступить в семинарию и взял к себе на службу. А матушка Нина, ещё до его рукоположения, познакомила Олега с его будущей женой Анной, будучи уверена в их скорой свадьбе, и всегда радовалась тому, что они по-настоящему друг друга полюбили, а не женились по необходимости, чтобы Олег мог быстрее стать священнослужителем. Такие случаи матушке были известны. Нельзя сказать, что все они заканчивались плачевно, но боязнь за будущую прочность таких браков «по служебному расчету» была вполне очевидна.

В свою очередь, отец Олег не устал восхищаться матушкой Ниной, которая поражала его своим поведением, природной кротостью и настоящей любовью к мужу. К тому же она была красивой, ладной, с яркими, всегда улыбающимися карими глазами, как будто у неё и вовсе не бывало плохого настроения. И как оказалось, не только на людях, но и в любых жизненных ситуациях внутри семьи она оставалась сама собой, такая же приветливая и терпеливая. Но одновременно, семейная жизнь настоятеля была настолько сложна, что отец Олег не всегда мог понять их взаимоотношения. Особенно это касалось тётки отца Александра. Но даже в такие сложные моменты общения со своей мамой, когда, казалось бы, отец Александр готов был уйти из дома из-за тётки, матушка Нина всегда была образцом выдержки и смирения, пытаясь быть добрым миротворцем, что не всегда получалось к огорчению всех сторон.

С самого начала её мама не приняла Александра – жениха дочери, будущего священника Александра Нечаева. Хотя мама была человеком верующим и глубоко церковным, но вот в повседневной жизни ей почему-то очень трудно было проявлять свои христианские добродетели. Терпение куда-то исчезало при виде зятя, который по неизвестной для всех причине постоянно её раздражал. Она постоянно слышала в церкви призывы к терпению и смирению, но проявить эти качества в семье ей удавалось очень редко, только, в основном, по отношению к внукам.

Видимо, сказалась одинокая жизнь и патологическая ненависть к мужчинам. Муж её оказался пьяницей, хотя и был довольно безобидным мужиком. Но она считала свое замужество неудачным и с тех пор невзлюбила всех мужчин, а когда приходила в церковь, старалась не общаться даже со священниками, которые для неё были просто теми же ненавистными мужиками, только в подрясниках и облачениях.

Она знала, что поступает не правильно, но ничего с собой поделать не могла, и только жалела о том, что среди священников нет женщин, которым она точно могла бы открыть свои грехи без стеснений и даже с радостью. Пару раз в этом её упрекал зятьёк, будучи уже священником, пытаясь в доходчивой форме донести до нее истину, но всё это приводило лишь к новым скандалам на религиозной почве.

Он несколько раз искренне признавался ей в любви, но и это выглядело в её глазах каким-то оскорблением. В итоге, они разъехались по разным домам. С тех пор тётка ни разу не была в храме у отца Александра и даже упрекала свою дочь за то, что та ходит на службы только в свой храм и совсем забыла про мать. Но в этом отношении матушка была строга и довольно резко пресекала попытки мамы поссорить её с мужем. Каждый раз матушка пыталась говорить с мамой о христианской любви и всепрощении, или хотя бы выяснить причины такой нелюбви к своему мужу. Но всё было тщетно.

Отец Александр и матушка понимали, что мама хоть и ходила всю жизнь в церковь, но христианкой по своему образу жизни так и не стала. К сожалению, таких людей в церкви немало. Это всегда огорчало отца Александра и заставляло чаще смотреть на себя со стороны, чтобы не оступить и не впасть в осуждение людей. Господь призывает к себе большинство

людей уже при крещении, так рассуждал священник, но, к сожалению, большинство приходящих в церковь ограничиваются лишь некоторыми внешними действиями и совсем малыми знаниями, которые не могут дать полного духовного представления о церкви и не позволяют в полной мере проникнуться духом христианского мировосприятия. Не исключением стала и тёща отца Александра, за которую он всегда молился в надежде на чудо её истинного обращения в христианскую веру. А пока их отношения были похожи на разрушенный дом без стен и потолка, но с фундаментом, которым являлась жена отца Александра и их дети.

С детьми у них был полный порядок. Сколько Бог давал, столько и рожали, хотя были уже и не молоды. Детишек было шестеро: три девчонки и три мальчугана с разницей в пару лет. Все уже были довольно взрослыми детьми и подростками, заводилами среди приходских детей и примером для многих новых прихожан.

Почему-то именно об этом думал сейчас отец Олег, наблюдая за настоятелем и его супругой. Они о чём-то тихо переговаривались, посматривая в его сторону. Дьякон вспомнил не свою тещу, а именно тещу своего настоятеля, и сам удивился. У него с тещей всё вроде было в порядке, за исключением её упрёков в том, что у них не было детей. В отличие от тещи настоятеля, мама его жены в церковь не ходила, но и никого не упрекала в том, что они молятся и пытаются служить Господу. Она была добрым и отзывчивым человеком, любила книги, животных и свою семью. Ей даже было не важно, что отец Олег мало зарабатывал. Главное, что он любил её дочь, и они жили дружно и счастливо. Но вот детишек им Бог так и не давал. И если отец Олег с матушкой понимали, что на всё Воля Божия, то тёща искала причины в болезнях то одного, то другого. Она пыталась их направлять на лечение к самым разным врачам, а батюшка с матушкой молились Богу, паломничали по святым местам, окунались в разные источники и даже последний раз попросили одного священника, чтобы он привёз с Афона, из монастыря Хиландарь, виноградники со святой лозы, которые частенько помогали бездетным парам. А в итоге получалось, что всей семьёй они самыми разными способами стремились к одному и тому же – продлению своего рода.

Пока у них не было большой семьи, отец Олег мог позволить себе съездить с друзьями на рыбалку и порадовать своих родных свежей рыбкой. Это у него получалось хорошо. Как говорили его друзья, «дьяконам всегда везёт», и поэтому каждый раз брали его с собой, обеспечивая «счастливый талисман» всем необходимым, чтобы не было у него возможности отказаться.

Но на этот раз события стали развиваться, как оказалось позже, совсем не по их продуманному и общинно утверждённому плану. Но это будет потом, а сейчас, после Богослужения, в эти счастливые минуты отец дьякон старался думать только о рыбалке с друзьями. Точнее, другом он считал одного человека, того самого Андрея, который впервые привёл Олега в церковь, а остальные мужики из их рыбацкой компании были для него просто хорошими товарищами. Он не особенно любил отдыхать без своей матушки, но она не очень любила дикую природу с её надоедливыми комарами и неустроенным бытом. И тем более не понимала пустого времяпровождения за удочкой, хотя саму рыбку очень любила и всегда хвалила батюшку за хороший улов. Поэтому отец Олег просто был обязан приезжать домой с уловом. И даже пару раз ему приходилось хитрить, когда рыба ловиться не хотела, и он был вынужден покупать пару килограммов рыбы по дороге на базаре, выдавая её за собственный трофей. Каким-то образом матушка всегда об этом знала, но тактично молчала, чтобы не обидеть своего заботливого мужа.

Рыбалка с друзьями у отца Олега была, пожалуй, единственным жизненным увлечением, не связанным с церковью, когда муж и жена расставались на несколько дней. Да им и не хотелось надолго расставаться. Они по-настоящему сильно любили друг друга. И всё равно, каждый раз матушка с большим трудом отпускала своего мужа на рыбалку. Поэтому отец Олег был вынужден придумывать какие-то новые причины, чтобы особенно не расстраивать жену и

одновременно не подводить своих друзей. Вот и сейчас он думал, как отшутиться и быстренько умчаться к другу, потому что уже серьёзно опаздывал на очередную рыбалку.

Матушка Анна стояла на остановке в ожидании своего мужа. Она относилась к этому вполне спокойно. Ей нравилось проявлять терпение (правда, получалось это не всегда), и с уважением относиться к увлечению мужа. Он и так был всегда в семье и совсем не любил шумных компаний. Конечно, у них были недостатки: у него – одни, у неё – другие. Ведь семейных людей объединяют не только хорошие их стороны, за что они друг друга полюбили при первых встречах, но и то, что нужно научиться прощать в последующей жизни, и принимать друг друга такими, какими они есть на самом деле: в радости, горести, и печали. Поэтому матушка очень любила моменты общения с мужем, когда она могла проявить настоящее терпение и не упрекать друг друга по мелочам.

Ещё не став женой будущего священнослужителя, Анна со всей серьёзностью относилась к изучению Библии, старалась воспринимать Слово Божие как руководство к жизни и очень хорошо запомнила слова апостола Петра в первом его Послании, которое относится к отношениям между мужчиной и женщиной, где в третьей главе говорится:

«... Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом. Так некогда и святые жены, уповавшие на Бога, украшали себя, повинувшись своим мужьям».

Как мудро и с какой любовью к женщине это сказано, но как тяжело воспринимаются эти слова современными представительницами слабого пола. Эти слова не запрещают женщине красиво одеваться, а только указывают на определённое место для этих забот. Сначала кротость и молчаливый дух с повиновением своим мужьям, а потом уже внешнее украшение самой себя для других. Она старалась так поступать, не забывая, конечно, о своей прекрасной внешности. Но, как говорится, всему время и место, особенно в жизни православного человека, желающего угодить Богу.

Вот и теперь она стояла на остановке трамвая с удочками и рюкзаком мужа, не ругая его за лишние минуты ожидания, не нервничая, как обычно бывает с жёнами, не умеющими терпеть, а просто молча ждала, молясь за мужа. Тем более волнение, которое её охватило в церкви по поводу сегодняшней рыбалки, не только не исчезало, но всё больше усиливалось по мере приближения их расставания.

На трамвайной остановке напротив храма стояло всего несколько человек. Кто-то недовольно ворчал, что давно не было трамвая, а кто-то просто ждал, посматривая туда, откуда должен был появиться запаздывающий трамвай. Конечно, в последние годы здесь появилось много разного транспорта, на котором можно было удобно и быстро добраться до Киева, но люди так привыкли путешествовать на старом добром трамвае, что многие и не собирались переходить на ставшие уже привычными «маршрутки».

Наконец, матушка увидела бегущего к ней отца Олега. На ходу он махал ей рукой в сторону путей, показывая, что, мол, уже виден трамвай, и как только батюшка подбежал к остановке, кто-то с облегчением сказал: «Наконец-то идёт...». И, действительно, на горизонте уже была видна точка, медленно ползущая по трамвайным путям, распухая в своих размерах и приобретая чёткие очертания совсем не молодого трамвая, который возмущённо издавал звуки противного скрипа и истеричного повизгивания.

– Вот и мой трамвайчик идёт, – улыбаясь, подбежал батюшка, целуя жену в щёчку. – Давай-ка мне мою поклажу и прости, что заставил тебя так долго ждать.

– Я уже привыкла, – пытаюсь выразить притворное недовольство, ответила матушка, отдавая рыбацкие снасти. – Ты, отец, как всегда торопишься...

– А как же по-другому, мать? Ещё пару часов, и всю рыбу выловят, – попытался отшутиться батюшка, прикрывая любимую жену от ветра.

– Смотри, как бы тебя никто не поймал, – предупредила матушка. – Хотя бы пообедали вместе, как нормальные люди.

– Не-ког-да, мать, – весело ответил отец Олег, поглядывая на часы. – Мы где-нибудь с Андрюхой перекусим. Не переживай, всё будет хорошо!

– Что-то на сердце у меня тяжело, – пожаловалась матушка своему мужу, потирая от холода руки. – Может, не поедешь? Или в следующий раз?

– Вот те здасьте! – удивился дьякон, обнимая матушку за плечи. – Я же тебе все выходные испорчу своим нытьём. Ты меня знаешь.

– Знаю, поэтому и волнуюсь, – по-детски, как бы жалуясь, оправдывалась матушка, поглядывая в сторону трамвая.

– Ну, ты со мной прямо как с ребёнком, честное слово, – по-отцовски упрекнул отец Олег матушку.

– Были бы у нас дети, я бы с тобой по-другому разговаривала. Да и на рыбалку сегодня ты вряд ли бы поехал.

– А с сыном отпустила бы? – вдруг спросил отец Олег, внимательно всматриваясь в грустное лицо матушки.

Матушка ничего не ответила, а лишь отвернулась в сторону, чтобы не показывать своих слёз.

– Ну, прости дурака старого! – искренне извинился отец Олег, ударяя себя удочками по голове. – Ляпнул, не подумав...

– Ничего страшного, – вытирая слёзы, повернулась к своему мужу матушка. – Да и не такой ты дурак, как про себя говоришь. Не дурак ты, Олежек, а просто очень доверчивый. Как будто живёшь в монастыре, а не в миру, среди людей. Вот и тревожно мне каждый раз, когда ты куда-нибудь едешь.

– Э, матушка. Ты говоришь прямо как неверующая старая дева, – слегка упрекнул дьякон свою любимую. – Я же к друзьям на рыбалку еду, а не за смертью в столицу. И всего-то на одну ночь. Так что готовь праздничный ужин. Рыба с меня, а холодец и плов с тебя. Договорились?

– Договорились, и – с Богом! – уже более весёлым голосом ответила матушка, благословляя своего мужа крестным знаменем.

Как раз в этот момент на остановке с тяжёлым скрипом затормозил старый трамвай, приглашая таким же противным звуком открывающихся дверей пассажиров в свое металлическое нутро. Людей в трамвае было так мало, что всем хватило сидячих мест у окон. Отец Олег ещё немного покривлялся из окна на строгий прощальный взгляд матушки и показал жестами, чтобы она ему чаще звонила. Они расставались, как будто это был железнодорожный вокзал, а не трамвайная остановка, и отец Олег уезжал куда-то в далёкую командировку на очень долгое время. Но ничего, как оказалось, в нашей жизни просто так не бывает...

3

На удивление тяжёлый и совсем не молодой трамвай довольно быстро стал набирать ход, и уже через мгновение его длинное колеблющееся тело скрылось за поворотом в парковой зоне, как будто его поглотил какой-то страшный лесной зверь, весь обросший кустами и деревьями. Матушка ещё немного постояла на остановке и уже через несколько минут была у калитки своего одноэтажного деревянного дома, одного из многих, выстроенных в ряд вдоль кривой асфальтированной дороги. Матушка почему-то без особой охоты зашла во двор своего дома, где давно ждал любимый рыжий кот, возмущённый её долгим отсутствием. Он что-то кричал на своём кошачьем языке, подлизываясь и путаясь под ногами. Матушка взяла его на руки, и, разговаривая с животным на своём языке, не совсем ему понятном, на ходу открыла дверь, которую они с батюшкой, как оказалось, забыли закрыть на ключ. Она не удивилась, что дверь была открыта, вспоминая, что последним из дома выходил отец Олег, возмущённо выталкивая ногой на улицу как раз того самого кота, который сейчас мирно сидел на её руках. А вот когда кот увидел на кухне свою миску с едой, то резко вырвался из рук матушки и уже через пару секунд с довольным урчанием поедал содержимое.

На кухне было чисто убрано, а в холодильнике стоял вкусно приготовленный обед, часть из которого она ещё с утра упаковала с собой мужу. Но, как оказалось, кулёк с лотками для еды спокойненько лежал прямо на середине стола, и это очень расстроило матушку. Скорее всего, подумала она, отец Олег незаметно сам его выложил, поэтому и выходил последним, чтобы поехать налегке, без лишних тяжестей. Но ещё больше она расстроилась, когда на том же кухонном столе обнаружила телефон мужа. Аппарат лежал рядом с этим кулёком, и матушке показалось, что он даже был доволен таким соседством с вкусной домашней едой. Матушка медленно опустилась в кресло и с грустью посмотрела на телефон. И только она хотела взять его в руки, как он тут же задребезжал, издавая любимую музыку батюшки – молитву «Господи, помилуй» на греческом языке. От неожиданности матушка испугалась, но всё-таки взяла телефон в руки, нажимая кнопку ответа. Медленно и осторожно, как будто впервые видит мобильный телефон, она поднесла его к уху, и только со второго раза ей удалось правильно нажать кнопку, чтобы услышать звонившего.

– Слушаю вас, – очень тихим голосом ответила матушка.

– Не понял, а вы кто? – послышался возмущённый мужской голос.

– А кто вам нужен? – чуть громче спросила матушка, не узнавая голос звонившего.

– Олег, мой друг, – честно ответил неизвестный.

– А вы кто, простите? – вежливо спросила матушка.

– Я его друг Андрей. А вы-то, кто? – так же спокойно и без возмущений ответил Андрей.

– Фу-ты, Андрюха, напугал, – почему-то с облегчением вздохнула матушка, наконец-то узнав друга их семьи.

– А чего меня бояться? Так это ты, матушка? Не узнал.

– О богатстве ни слова, болтун.

– Да какое там богатство. Знаю, что главное твоё богатство в этой жизни – это твой Олег, – довольный своим комплиментом, с гордостью произнёс Андрей. –

Кстати, простите за любопытство, а где сей верный муж? Он что, ещё не в Киеве?

– Думаю, что скоро уже будет в столице. В трамвай я его точно посадила минут пятнадцать назад, – призналась матушка. – А вот телефон свой он, получается, забыл, растеряха.

– Я почему-то этому не удивляюсь. А он хоть прикормку и кашу для рыбы не забыл? – весело спросил Андрей, уже подумывая о запасных способах связи с другом.

– Вот ведь у вас заботы, мужики, – по-женски возмутилась матушка. – Просто мирового масштаба. Да не забыл. Точнее, это я не забыла ему всё приготовить. А вот обед свой он специально не взял, чтобы было легче.

– Да у нас еды столько, что на весь ваш приход хватит, не переживай. И великое тебе спасибо, спасительница ты наша. Я думаю, что он найдёт способ, как со мной связаться.

– Я тоже на это надеюсь. И даже не сомневаюсь, что ты мне об этом сообщишь.

– Можешь, Аннушка не переживать, всё будет хорошо. Пока и до связи. Не скучай!

– С Богом, рыбаки, – на прощание только и успела ответить матушка, с грустью посматривая на телефон мужа, будто хотела в нём разглядеть Олега.

Ей почему-то стало вдруг очень некомфортно, и сердце заныло какой-то особенной болью, от которой потекли слёзы, и физически испортилось всё воскресное настроение. Но она решила не паниковать, потому что ничего страшного пока ещё не случилось, а заняться домашними делами, хотя бы тем же огородом, который не очень любил отец Олег, но всегда помогал, стараясь угодить своей любимой жене.

4

Трамвай разогнался до приличной скорости, раскачивая свои вагоны из стороны в сторону, словно огромная гусеница, умеющая не только ползать, но и бегать. Некоторых это даже пугало, но не отца Олега, очень любившего этот старый вид транспорта, к которому привык с самого детства. Он был уверен в его надёжности и не мог себе представить, что с ним может произойти что-то аварийное и трагичное.

Трамвай привычно мчался с шумом и скрипом по извилистым путям, выжимая из себя последние соки, уверенно двигаясь по удивительно красивому лесу, окружающему Киев со всех сторон. Это было одним из самых любимых занятий временных жителей трамвая – любоваться здешними красотами, до которых пока ещё не добрались жадные градостроители и богатые киевляне, любящие застраивать своими безвкусными, почему-то обязательно многоэтажными частными домами, всё, что находится вблизи города, и особенно в парковой зоне. Но местные трамваи всё ещё пользовались своей дорогой и могли жаловаться только на старые и ржавые рельсы, давно требующие капитальной замены. Так что пока ещё ворчуны-трамваи могли с привычным шумом пробираться сквозь лесную чашу, расталкивая своим длинным железным туловищем густую растительность вдоль путей и строго по расписанию доставлять пассажиров в Киев.

Но именно сегодня отцу Олегу было почему-то не до природы. Он только в самом начале пути полюбовался весенними лесными пейзажами и машинально переключил своё внимание на соседей по трамваю. Отец Олег ещё с детства любил смотреть на людей, а ещё больше с ними разговаривать. Правда с возрастом он стал смущаться этой своей привычки, особенно когда люди вызывали в нём возмущение своими словами и поведением. Из-за этого он старался как можно реже смотреть на посторонних людей, проходя толпу, низко склонив голову, чтобы не искушаться чужим поведением, словами и внешним видом. Но так как совсем оградиться от людей он был не в состоянии, живя в активном обществе, то решил воспитывать терпение и любовь ко всем людям, которых Господь посылает ему на жизненном пути.

Он медленно осмотрел пассажиров, и его взгляд остановился на мальчишке лет восьми, который, видимо, уже давно пытался привлечь внимание отца Олега озорной улыбкой и детским кривлянием в его сторону. Диакон решил ответить тем же, принимая игривое настроение ребёнка. У мальчика в руках был игрушечный автомат, который он пытался по очереди нацеливать на всех трамвайных жителей. Но в итоге мальчик остановился на отце Олеге и стал в него стрелять, целясь только в батюшку. Отец Олег, принимая игру мальчишки, сделал вид, что тот стал в него попадать, прикрывал руками раненые места, и будто убитый начал сползать с сиденья. Мальчишка продолжал стрелять и смеяться, радуясь своей победе, в пылу игры не замечая соседей и даже собственную мать. Отец Олег так заигрался, что на повороте не удержался и по-настоящему упал на металлическое брюхо вагона с шумом, который не на шутку напугал соседей. Но когда они поняли, что это часть игры, то стали уже вслух возмущаться бородатым мужчиной, который вёл себя хуже ребёнка. Вставая с пола и отряхивая себя от пыли, отец Олег жестами извинился перед всеми, показывая мальчику, что, мол, игра закончена, а иначе нас высадят. Смущённый, он сел на место, поднял упавшую удочку и сумку, опять показал мальчику, что надо молчать, и отвернулся к окну. Мама мальчика, дремавшая всё это время у окна, возмущённо отняла у ребёнка автомат. Покрутив пальцем у виска в сторону отца Олега, она пересела с сыном на другие места спиной к батюшке. Отец Олег, приложив руки к груди, молча пообещал, что больше так поступать не будет, прислонился головой к краю окна, подложив сумку, закрыл глаза и тут же уснул. Ему приснилось, будто они с друзьями наловили столько рыбы, что не могут вытащить наполненную сеть, пытаясь спасти хотя бы часть улова. Но сеть рвётся у них на глазах, и вся рыба уплывает из рук. Он пытается спасти улов,

ныряет в воду и тут с ним начинают разговаривать рыбы на понятном ему языке, обращаясь к нему, чтобы он их больше не ловил, а жалел... И как только он хотел удивиться своему знанию рыбьего языка, как вдруг услышал сквозь сон:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.